
М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ
Уральский университет

ОЦЕНКА ПЕРИОДА ГЕНЕЗИСА ВИЗАНТИЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА В ТРУДАХ М. Я. СЮЗЮМОВА (к 95-летию со дня рождения)

В научном инструментарии профессора Михаила Яковлевича Сюзюмова излюбленным был метод обнажения корней явления, обнаружения его истоков. Он не раз цитировал, а однажды даже избрал эпиграфом к одной из работ слова В. И. Ленина: «Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?»¹.

Ученый нетерпимо относился ко всем попыткам исследовать формацию или отдельный общественный институт вне связи времени. Он иронически писал о подобных наблюдениях: «...Новая формация и все новое!... Все новое в новом!»².

Определяя методологическую платформу исследований для себя и своих учеников, М. Я. Сюзюмов выделял следующее: «Придерживаться историзма, т. е. чтобы понять явление, общественный институт... следует начинать с генезиса, этапов прохождения и тогда — к явлению...»³ Он полагал, что сущность явления постигается только в его вертикальном изучении, в то время как специфика выявляется через сравнение по формационной горизонтали⁴.

В связи с правилом ученого — прежде чем дать оценку, проследить *anamnesis* явления, — в его работах присутствуют постоянные ретроспективы, панорамные обзоры явлений общественной жизни. Один из корреспондентов М. Я. Сюзюмова в письме по поводу его юбилея нашел удачный словесный образ для характеристики этой черты научного почерка ученого: «Умение видеть «в целом», оперировать огромными пластами преобладает над складыванием кусочков мозаики, столь характерным для большинства... Не «собирать материал», а «связывать материал» — вот что свойственно Вам, новому Александру Македонскому, или, вернее, анти-Александру, ибо тот умел рубить трудные узлы, Вы же связываете узлом эпохи, ситуации, столетия»⁵.

Поскольку своеобразие византийского феодализма определялось прежде всего его истоками, М. Я. Сюзюмов много творческих сил отдал исследованию эпохи, переходной от античности к средневековью. Он считал византийский феодализм классическим, хотя и не реализовавшимся в силу многих причин до завершенных форм. Однако М. Я. Сюзюмов предостерегал судить

об явлении только по его конечному варианту (он называл этот прием оценки «ex eventu») ⁶. С точки зрения ученого, классический характер византийского феодализма определялся тем, что он вырос, «питаясь от античных корней», которые здесь не были надорваны стихией варварских вторжений.

М. Я. Сюзюмов одним из первых в историографии дал периодизацию истории Византии с точки зрения ее социального развития. В своей кандидатской диссертации «Проблемы иконоборческого движения в Византии» ⁷ он выделил в ранней истории Византии два периода: IV — середина VII в. — поздне рабовладельческое общество; середина VII — первая четверть XI в. — дофеодалное общество ⁸. Позднее, в 1960 г., он объединил эти два периода в одну стадию, назвав ее переходной. Эта стадия в развитии феодальных отношений была разделена ученым на два этапа. Первый этап (324—602 гг.) М. Я. Сюзюмов определил как время сохранения рабовладельческих отношений. На втором этапе этой стадии (602—824 гг.), считает ученый, наступил революционный крах рабовладельческого землевладения ⁹. Второй этап переходной стадии был назван М. Я. Сюзюмовым дофеодалным периодом или периодом раннефеодальных отношений. Последнее определение допущено им лишь *cum grano salis*, поскольку речь шла лишь о создании условий для феодализма ¹⁰. В целом этой периодизации раннего периода в развитии аграрных отношений в Византии М. Я. Сюзюмов придерживался постоянно, корректируя лишь конечную веху периода: начало XI в. (1948), начало IX — (1960) и начало X в. (1975) ¹¹.

М. Я. Сюзюмов был активным участником развернувшейся в советской историографии в 1953—1956 гг. дискуссии о сущности социальных отношений в период перехода от рабовладельческих форм к феодальным в Римской империи. Вопреки мнению ряда исследователей, считавших, что в IV—VI вв. определяющими являлись феодальные тенденции социального развития, он отстаивал необходимость оценки эпохи IV—VI вв. как поздне рабовладельческой ¹². Ученый неоднократно возвращался к этому вопросу и доказал, что «крах рабовладельческих отношений в Византии был не единовременным актом, но процессом, продолжавшимся длительное время» ¹³.

Рассматривая вопрос о сущности кризиса в Римской империи в III в., М. Я. Сюзюмов отметил, что этот кризис не был кризисом рабовладельческого строя в целом, поскольку важнейшая составная рабовладельческого способа производства — рабский труд — в значительной степени продолжала сохранять свою роль ¹⁴. Получившие же в IV—VI вв. правовое оформление различные формы эксплуатации содержали элементы новых производственных отношений, представляя собой альтернативу рабству ¹⁵.

В 50-х гг. М. Я. Сюзюмов категорически не принимал терминов «феодалный» или «раннефеодалный» в отношении отдель-

ных социальных проявлений эпохи IV—VI вв. В частности, он считал неизменным по сравнению с классическим временем правовой статус раба¹⁶. Позднее, с 1960 г., ученый счел возможным употребить в отношении позднеримской империи термин «феодализация»¹⁷. Однако это не изменило в целом его оценки эпохи IV—VI вв. Соглашаясь с господствующим в литературе мнением относительно того, что в Восточной Римской империи к IV в. основным рентабельным типом земледелия было мелкое хозяйство, эксплуатируемое собственником земли, признавая факт прикрепления колонов-адскриптициев к земле, М. Я. Сюзюмов не считал однако эти явления проявлением феодализма¹⁸.

Ученый полагал, что элементы новых производственных отношений могут победить лишь в том случае, если весь политический строй, общественные учреждения и господствующая идеология будут закреплять эти отношения¹⁹. Поскольку в поздней Римской империи такой ситуации не было, «имущество адскрипция юридически и практически рассматривалось как пекулий, а власть над адскриптицием — как *plena in re potestas*»²⁰. Правительство императора Константина расширило сферу прав колона-арендатора: он мог подавать в суд на господина в случае несогласия с суммой, требуемой за землю. Но эта и ряд других мер правительства были продиктованы стремлением господствующего класса к стабилизации рабовладельческого хозяйства²¹.

По мнению М. Я. Сюзюмова, новые институты вводились «как поиски новых видов эксплуатации в условиях снижения выгодности труда рабов для поддержания рабовладельческого господствующего класса и строя»²². Явная запутанность законодательства этого времени объясняется именно этой причиной. Нерентабельность рабовладельческих отношений привела к рождению новой тенденции, которую можно было бы оценить как элемент феодального способа производства, но которая адаптировалась для сохранения рабовладельческого государства, а не для создания нового общества²³. В конечном итоге все новые формы в экономике приобрели рабовладельческую окраску и использовались для сохранения рабовладельческого строя. Перевод рабов на пекулий при сохранении у них юридического статуса раба был проявлением поисков более рационального использования рабского труда²⁴. Колоны, ставшие энапографами, ничем не отличались от рабов, посаженных на пекулий²⁵. Однако *favor libertatis* в римском праве был в конечном итоге отражением тенденции к укреплению положения мелкого производителя²⁶.

К концу VI в. наметившиеся в жизни и в законодательстве процессы феодализации зашли в тупик. Несоразмерность потребностей государства и возможностей мелкого хозяйства привела к разорению деревни к концу правления Юстиниана. Сельское хозяйство обнищало, у мелких хозяев исчез стимул к хозяйственной деятельности²⁷.

Итак, первый этап переходной стадии, по М. Я. Сюзюмову, характеризуется, с одной стороны, наличием революционной ситуации, но с другой,— стремлением реакционных сил сохранить свое господство.

Второй этап переходной стадии в развитии общественного строя Византии был временем краха рабовладельческих отношений, проявившегося прежде всего в сокрушении мощи крупного землевладения рабовладельческого типа. Для этого этапа ученый считает приемлемым употребление имеющего место в исторической литературе термина «темные века»²⁸.

VII в. в истории Византии М. Я. Сюзюмов, как и большинство ее исследователей, называет переломным. Социальный смысл переломного состояния определялся прежде всего крахом рабовладельческого строя²⁹. Существенным моментом в истории этого времени, полагает ученый, было правление императора Фоки. Хотя реальных реформ или юридически оформленных конституций он не оставил, «но во время его власти и в последующие войны произошло грандиозное перемещение собственности»³⁰. После подавления мятежа Фоки византийское государство, ослабев, не смогло более защищать собственность крупных землевладельцев. На протяжении двух последующих столетий в источниках не встречается упоминаний о колонах и энапографах. Следовательно, государству пришлось временно отказаться от тех элементов феодализации, которые утвердились на первом этапе переходного периода.

Главной тенденцией в истории дофеодалного периода было упрочение византийской общины. Под влиянием Цахариз фон Лингентала в русской историографии развитие крестьянской общины в Византии VII—IX вв. рассматривалось как результат влияния славянской колонизации. По мнению М. Я. Сюзюмова, то самоуправление, которое уже имелось в митрокомах, послужило базой для создания деревенского устава, получившего название «Земледельский закон»³¹. В этом плане он усматривает преемственность общины VII—VIII вв. с позднеримской общиной. Нашествия персов и арабов, считает Сюзюмов, способствовали самоорганизации крестьянства и укреплению общины. Он полагает, что в этом кроется начало фемного строя, который возник снизу, а не в результате реформы. Ученый не склонен преувеличивать влияние славянских вторжений на развитие византийской общины. Он подчеркивает, что общинное устройство не было привнесено извне³². Славянское влияние не было первопричиной возникновения общин, но оно способствовало укреплению ее внутренней организации. В целом, по Сюзюмову, «переход к феодальным отношениям в Византии совершился в основном вполне самобытно»³³.

Представляет научный интерес интерпретация М. Я. Сюзюмовым «Земледельческого закона»³⁴. Он не разделяет стремления увидеть в *chorodotes* помещика, а в *mortite* — зависимого

человека, считает, что «Земледельческий закон» не имеет в виду никаких крупных сеньоров, которым бы принадлежала верховная власть над общиной³⁵, состоявшей из свободных крестьян-хозяев и свободных арендаторов общинной земли. Его характеристика статуса апора и половника скорректировала современное понимание социальной ситуации в византийской деревне VII—VIII вв.

М. Я. Сюзюмов первым в советском византиноведении решительно отверг мнение о допустимости существования в византийской общине периодических переделов земли. Он усматривал в *metisimo* следующие возможные способы раздела земли: первоначальный раздел нови; дополнительные разделы оставшейся в общине земли; раздел внутри разросшейся семьи; «прикидка» земли по принципу *epibole* для привлечения крестьян к взаимной ответственности по выплате налогов за брошенные участки земли. Текст «Второго определения магистра Косьмы», переведенный Ф. И. Успенским как свидетельство о наличии периодических переделов земли, М. Я. Сюзюмов понимает как раздел по принципу *epibole*³⁶.

В целом ученый полагал, что византийская деревня VII—X вв. была поселением мелких частных собственников, объединенных коллективной собственностью на неподеленную землю. Существование митрокомии с частной собственностью на землю было для него непреложным фактом³⁷. По его мнению, все статьи «Земледельческого закона» направлены на несомненную защиту частной собственности³⁸. Эта оценка византийской общины, вызвавшая в 50—60-х гг. возражения или сомнения, оказала воздействие на формирование общей для советского византиноведения точки зрения³⁹.

Крепость общины М. Я. Сюзюмов усматривал в силе родственных связей внутри этой корпорации. Представляет интерес приведенная им иллюстрация этого явления более поздним примером — новеллой Романа Лакапина о протимисисе от 922 г., позволявшей сохранять землю в пределах коллектива родственников и соседей⁴⁰. Ученый отметил, что в законе о протимисисе отразилось обычное право общины, развивающейся в обществе, в котором давно укоренилась частная собственность на землю.

Укрепление свободной аграрной крестьянской общины М. Я. Сюзюмов считал важнейшим явлением VII—VIII вв. Формирование категории мелких земельных собственников знаменует собой итог первого этапа в истории византийского общества. Главное для этого этапа, по М. Я. Сюзюмову, — «создание человека-производственного для формирующегося феодального способа производства»⁴¹.

Отсутствие в Византии монолитного эксплуататорского класса значительно осложнило протекание процессов, характерных для периода генезиса феодализма. Тенденцией общественного развития Византии, начиная с VII в., являлось становление про-

винциальной землевладельческой знати⁴². Это определило возможности для империи различных путей феодализации, в зависимости от того, какая из прослоек собственников возьмет верх⁴³. Первый из них связан с инициативой провинциальной знати, материальной базой которой была феодальная рента. Этот путь должен был привести к феодальной раздробленности («карolingский» путь). Другой возможный путь повел бы к укреплению патрициата. Его конечным итогом должно было быть создание городской республики («венецианский» путь).

Наиболее острой борьба за путь развития феодализма была на рубеже VII—VIII вв. и в период иконоборчества. Иконоборцы как представители феодализирующейся провинциальной знати стремились направить Византию по «карolingскому» пути. Переломным моментом в этой борьбе различных группировок в господствующем классе М. Я. Сюзюмов считает восстание Фомы Славянина. Обострение классовой борьбы закрепощаемого крестьянства привело к временному затуханию ее внутри господствующего класса. К 20-м гг. X в. переходную стадию в истории смены формаций М. Я. Сюзюмов считает завершившейся⁴⁴. Восстание Фомы Славянина явилось первым антифеодальным восстанием в Византии.

Борьба двух группировок господствующего класса, отражающая, по мнению М. Я. Сюзюмова, своеобразие социального развития Византии, имела своим следствием сохранение в последующие века сильного централизованного бюрократического государства. Поскольку противоборствующие силы имели примерно равное значение в экономике, для государства создавались условия вести более или менее самостоятельную политику, маневрируя между группировками⁴⁵. Другим следствием длительной борьбы двух группировок явилось постепенное отставание Византии от Запада в области экономики, военного дела и культуры⁴⁶. Маневрирование императорской власти состояло не в том, чтобы содействовать развитию той или иной группировки, а наоборот, препятствовать той из них, которая в данный момент была опасна для автократии.

В интерпретации переходного периода византийской истории М. Я. Сюзюмовым значительное место уделено городу как институту, особенно ярко отражающему преемственность в историческом развитии Византии и ее имманентную связанность с позднеантичной эпохой.

Во многих работах М. Я. Сюзюмов отстаивает тезис о континуитете византийского города. Например, статью, посвященную проблеме предпринимательства, он начинает фразой, отражающей суть его концепции: «Византийский город вошел в средневековье (в противоположность городам Центральной Европы) в готовом виде, т. е. со всеми теми существенными, внутренне присутствующими, необходимыми свойствами, которые отличали город как историческую категорию от деревни»⁴⁷.

М. Я. Сюзюмов не оставил особой периодизации истории византийского города, придерживаясь в целом той схемы-развития, которая предложена им в отношении феодализма в целом. Однако можно отнести к истории раннего городского развития те из выделенных им этапов в истории византийского предпринимательства, которые приходятся на переходную эпоху: 1-й этап (IV—VI вв.) — сохранение рабовладельческих основ; 2-й (VII — конец IX в.) — упадок городского строя⁴⁸.

Византийские города IV—VI вв., согласно точке зрения М. Я. Сюзюмова, по характеру собственности на средства производства и организационным формам имели прямую преемственность с позднеримским обществом⁴⁹. В указанное время изменилось руководство городами, поскольку сословие куриалов потеряло над ними господство. Город находился в руках урбанизированной провинциальной рабовладельческой знати, которая имела крупные земельные владения и постоянно жила в городе⁵⁰. Последний уже не был центром рабовладельческой эксплуатации, но осуществлял централизованную эксплуатацию через налоговую систему⁵¹.

М. Я. Сюзюмов отмечал античное происхождение всех византийских городов, как балканских, так и малоазийских. Ученый категорически отрицал тезис о том, что византийский город возник в результате отделения ремесла от сельского хозяйства. Что касается так называемых «новых городов», то они появились в результате переселения центра города в подгородные поселения (Колоссы — Хоны, Спарта — Мистра, ряд далматинских городов)⁵².

Константинополь, Фессалоника, по М. Я. Сюзюмову, являлись прямым продолжением античных городов, центрами ремесла и торговли. Поскольку основными предметами вывоза в страны Западной Европы были предметы роскоши, труд рабов долгое время сохранялся в городской экономике, ибо цены на товар были высокими. М. Я. Сюзюмов не считает изменение статуса раба в это время сколько-нибудь существенным. Рабовладельческий уклад сохранялся в городе и пригородных районах, в отличие от сельских, где рабский труд не находил большого применения⁵³.

Ученым подчеркивалось особое значение товарного производства и товарного обращения в византийских городах при переходе от античности к средневековью. Город был экономически развитым центром товарного производства «со сложившимся ремеслом, торговлей, установившимися веками формами эксплуатации городской знатью свободного населения и, кроме того, с торговыми связями и сельской округой большого радиуса»⁵⁴.

М. Я. Сюзюмов много внимания уделил значению города-эмпория в ранневизантийской экономике. Возникновение крупных торговых городов, сориентированных на внешнюю торговлю, во многом было предопределено географическим фактором.

Обычно развитию внутренней торговли способствуют городские центры, стоящие на речных путях. Константинополь же не был расположен на реке, которая могла связать различные районы полуострова и этим способствовать созданию внутреннего рынка. Географический фактор определил пассивный характер константинопольской торговли. Она придала временный блеск Константинополю, но задержала рост провинциальных городов и развитие внутреннего рынка⁵⁵. Пассивный характер торговли создавал неустойчивый рынок труда. Во время навигации, когда увеличился спрос на товар, мистиям широко предоставляли работу. Однако зимой они превращались большей частью в деклассированную массу. Это не могло не сказаться на характере формирования городского населения⁵⁶. М. Я. Сюзюмов не сводил объяснение такого феномена, как расцвет ранневизантийского города, к воздействию лишь географического фактора. Он отдавал должное и сохранению античных традиций как в сфере ремесла и торговли, так и в сфере государственности и культуры⁵⁷.

Параллельно с исследованием ранневизантийского города М. Я. Сюзюмов значительное внимание уделил пригородному району, считая проастиий в плане его экономического значения категорий рабовладельческого хозяйства⁵⁸. Для хозяйства пригородного района было характерно, в отличие от деревень, развивающихся в направлении укрепления натурального хозяйства, развитое товарное производство. Здесь имела место такая форма собственности на землю, как *dominium rleptum*.

Развитие городов-эмпориев на фоне традиций античного ремесла и торговли создало возможность для проявления тенденции развития византийского феодализма по пути итальянских торговых городов-государств («венецианский» путь). Однако эта тенденция не была реализована⁵⁹.

В связи с изучением социальной истории ранневизантийского города М. Я. Сюзюмов первым в византиноведении доказал, что константинопольские димы не были территориальными объединениями граждан. Димы, в его понимании, это народ, чернь, широкая политическая партия⁶⁰.

Специальная статья посвящена М. Я. Сюзюмовым периоду VII—IX вв. в истории развития византийского города⁶¹. Оспаривая точку зрения как советских, так и зарубежных византинистов (А. Л. Якобсона, Э. Кирстена, Д. Закитиноса, П. Хараниса и др.), он категорически выступил против тезиса о процессе дезурбанизации, наступившем в Византии начиная с середины VII в. Для него вопрос о дезурбанизации имел особое значение в связи с его концепцией континуитета позднееримского общества и влияния традиций античности. Он признавал, что в отмеченную эпоху некоторые экономические и политические институты, которые характерны для античного города, отмирают, а новые, свойственные средневековому городу, еще не оформились⁶².

Полной дезурбанизации, согласно наблюдениям М. Я. Сюзю-

мова, не могло быть в тех странах, которые развиваются при континуитете государственного управления. Так, явления всеобщей дезурбанизации не было ни в Византии, ни в Италии, ни в арабских странах, ни в Китае⁶³. Это явление возможно лишь там, где переход от античности к средневековью происходит в условиях полной ломки государственного аппарата.

Тот факт, что кризис античной цивилизации сказался прежде всего на состоянии города, по Сюзюмову, являлся естественным явлением, так как крушение рабовладельческого строя затронуло прежде все те институты, которые активнее были связаны с рабовладением (т. е. прежде всего город). Но упадок экономической мощи города исследователем не считал доказательством наличия процесса дезурбанизации. Он выступал также против такого аргумента оспариваемой им концепции, как аграризация городов. Ученый находил этот процесс естественным для VII—IX вв., поскольку с разложением рабовладельческого строя сократился спрос на предметы роскоши, а именно на их производство было сориентировано городское ремесло. В силу этого товарное производство в основном было ограничено в то время сферой сельскохозяйственной продукции.

Одним из доминирующих тезисов работ М. Я. Сюзюмова по проблеме города названного периода является вывод о том, что «экономическое значение города заключается не только в его ремесленном производстве и в пригородах, но также и в распространении влияния товарного обращения на натурально-хозяйственную деревню. Город выполнял функции центра товарного производства, втягивая в товарное обращение известную часть продукта труда населения деревни, ведущей в основном натуральное хозяйство»⁶⁴. Ученый выделял для этого периода различного типа города — военные центры, епископские резиденции, центры торговли. Как административно-фискальный центр город выполнял функции превращения в товар определенной части натурального продукта⁶⁵. Megaroleis — Константинополь, Фессалоника, Эфес — объединяли все эти функции.

Исследуя данные «Морского закона родосцев»⁶⁶, М. Я. Сюзюмов утверждал, что морская торговля поддерживала товарное обращение и способствовала превращению в товар продуктов натурального хозяйства. Приморские центры рассматриваемого времени «выполняли экономическую функцию города как центра, распространявшего на периферии товарное производство и обращение»⁶⁷.

Развитию товарно-денежного хозяйства способствовал и континуитет денежной системы. По наблюдениям ученого, золотая номисма на протяжении всего раннего средневековья сохраняла свою устойчивость⁶⁸.

Исследователем был поставлен вопрос об изменении состава городской знати в период «темных веков», а также характера управления городов⁶⁹.

Наблюдения М. Я. Сюзюмова приводят к выводу, что византийский город, вошедший в средневековье в готовом виде на основе преемственности античных традиций, в период так называемых «темных веков» был центром товарного хозяйства на фоне натурально-хозяйственной периферии⁷⁰.

Исследуя содержание переходной эпохи, М. Я. Сюзюмов придавал большое значение разработке вопросов, связанных с функционированием надстройки. В его работах, пожалуй, доминирующим был тезис о том, что в период, переходный от древности к средневековью, Византия была страной развитой государственности, сильного бюрократического аппарата, кодифицированного права, а это не могло не оказать влияния на все социальные процессы раннего периода ее истории. При осмыслении сущности переходной эпохи ученый считал необходимым учитывать значение «идеологических импульсов, порождаемых идейным наследием античности...»⁷¹. В целом исследователь полагал, что наиболее важную историческую роль Византия сыграла на раннем этапе своей истории⁷².

Концепция содержания переходной от античности к феодализму эпохи, изложенная М. Я. Сюзюмовым в двух диссертационных работах и нескольких десятках статей, вызвала в 50—60-е гг. множество научных споров⁷³. Михаил Яковлевич и сам был великим спорщиком, охотно шел на общение в форме научного турнира, получая высшее удовольствие от «ангаже» и «фланконады», примененных им или его оппонентом⁷⁴. Дискуссия для него была формой существования в науке.

Не все бесспорно в концепции М. Я. Сюзюмова с точки зрения состояния проблемы на современном уровне исследований. Много корректив внесено исследователями в решение проблемы ранневизантийского города. В новейшей литературе сделан акцент на тезисе о неизбежности и закономерности угасания позднеантичных городов при переходе от античности к средневековью в греко-римском регионе Средиземноморья.

Наблюдения М. Я. Сюзюмова относительно множественности функций раннесредневекового города не находят активной поддержки у медиэвистов. Можно счесть недостаточно убедительными выдвинутые ученым причины сохранения в переходный период значения города как общественного института⁷⁵. Делая акцент на сохранении рабовладельческого уклада в социально-экономической жизни Византии переходного периода, М. Я. Сюзюмов не препарировал в тонких срезах социальную структуру ранневизантийского города. В освещении византистики последнего времени социальная картина жизни византийского города переходной эпохи выглядит более сложной⁷⁶, чем в работах М. Я. Сюзюмова, рассматривавшего эти вопросы в более общих чертах.

Однако в целом тот костяк концепции генезиса византийского феодализма, который был им создан, сохраняется и

«обрастает плотью» в новейших исследованиях советских византистов⁷⁷.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 181.

² ГАСО. Ф. 802 р. Оп. 1. Д. 154. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ См.: Сюзюмов М. Я. Модернизация и сепаратизация // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып. 11. С. 48.

⁵ ГАСО. Ф. 802 р. Оп. 1. Д. 215. Л. 15.

⁶ См.: Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // ВВ. 1973. Т. 35. С. 4.

⁷ ГАСО. Ф. 802 р. Оп. 1. Д. 6. Т. 1; Д. 7. Т. 2; Д. 8. Т. 3.

⁸ См.: Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборческого движения в Византии // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1948. С. 51—58, 76.

⁹ См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т. 17. С. 5.

¹⁰ См.: Сюзюмов М. Я. Закономерный переход к феодализму и синтез // АДСВ. 1975. Вып. 12. С. 48.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // ВДИ. 1955. № 1. С. 51—67.

¹³ Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях... С. 10—11.

¹⁴ См.: Белова Н. Н., Сюзюмов М. Я. К вопросу о кризисе в Римской империи в III в. // АДСВ. 1978. Вып. 15. С. 19.

¹⁵ См.: Там же. С. 20.

¹⁶ См.: Сюзюмов М. Я. О правовом положении рабов в Византии // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1955. Вып. 11. С. 165—192.

¹⁷ См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях... С. 5.

¹⁸ См.: Сюзюмов М. Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // ВО. 1961. С. 37.

¹⁹ См.: Там же. С. 38.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Сюзюмов М. Я. Дофеодалный период // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 6.

²² Сюзюмов М. Я. [Рецензия] // ВВ. 1978. Т. 39. С. 227. Рец. на кн.: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.

²³ См.: Сюзюмов М. Я. Дофеодалный период. С. 7.

²⁴ См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу о процессах феодализации... С. 51—67.

²⁵ См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях... С. 6.

²⁶ См.: Сюзюмов М. Я. Дофеодалный период. С. 8.

²⁷ См.: Сюзюмов М. Я. Переход к феодальным отношениям в Византии в свете учения В. И. Ленина о преемственности // ГАСО. Ф. 802 р. Оп. 1. Д. 63. Л. 8.

²⁸ См.: Там же. Л. 49.

²⁹ См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях... С. 7.

³⁰ Сюзюмов М. Я. Закономерный переход... С. 43; Он же. Дофеодалный период. С. 11. Позднее концепция М. Я. Сюзюмова была развита его учеником В. В. Кучмой. См.: Кучма В. В. К вопросу о сущности «революции» Фоки (602—610) // ВО. 1977. С. 182—194.

³¹ См.: Сюзюмов М. Я. Дофеодалный период. С. 12.

³² См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях... С. 5.

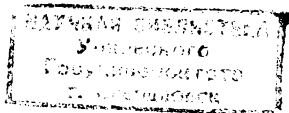
³³ Сюзюмов М. Я. Закономерный переход... С. 49.

³⁴ См.: Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону // ВВ. 1956. Т. 10. С. 27—47.

³⁵ См.: Сюзюмов М. Я. О характере и сущности... С. 29—30.

³⁶ См.: Там же. С. 38—39.

³⁷ См.: Сюзюмов М. Я. Некоторые нерешенные вопросы истории Византии // Вопр. истории. 1959. № 3. С. 102.

- ³⁸ См.: **Сюзюмов М. Я.** Дофеодалный период. С. 15.
- ³⁹ См.: История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 17—22.
- ⁴⁰ См.: **Сюзюмов М. Я.** О характере и сущности... С. 36—38.
- ⁴¹ **Сюзюмов М. Я.** Возрождение, гуманизм и феодализм // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 7.
- ⁴² См.: **Сюзюмов М. Я.** К вопросу об особенностях... С. 5. Впервые мысль о двух группировках в господствующем классе ранней Византии была высказана М. Я. Сюзюмовым в 1937 г. См.: **Сюзюмов М. Я.** Византийское государство и византийская культура в X—XI вв. // ГАСО. Ф. 802 р. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.
- ⁴³ См.: Там же. Третьим возможным путем развития феодальных отношений, по предположению М. Я. Сюзюмова, мог быть и путь восточно-азиатской деспотии, основанной на государственной собственности на землю.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12.
- ⁴⁵ См.: **Сюзюмов М. Я.** Борьба за пути развития... С. 47—48.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 50.
- ⁴⁷ **Сюзюмов М. Я.** Предпринимательство в византийском городе // АДСВ. 1966. Вып. 4. С. 2.
- ⁴⁸ См.: Там же. С. 6.
- ⁴⁹ См.: **Сюзюмов М. Я.** О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 8.
- ⁵⁰ См.: **Сюзюмов М. Я.** Византийский город (середина VII — середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 51.
- ⁵¹ См.: Там же.
- ⁵² См.: Там же. С. 8. См. также работы ученика М. Я. Сюзюмова И. П. Медведева: **Медведев И. П.** Основание города Мистры // АДСВ. Вып. 4. С. 57—74; **Он же.** Феномен трансурбанизации и его роль в становлении феодального византийского города // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 79—90; **Он же.** Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 10—22.
- ⁵³ См.: **Сюзюмов М. Я.** Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. Т. 3. Гл. 8 // ГАСО. Ф. 802 р. Оп. 1. Д. 19. О дискуссии по поводу тезиса диссертации о роли рабовладельческого уклада в социально-экономической жизни Византии см.: ВВ. 1958. Т. 14. С. 360—364.
- ⁵⁴ **Сюзюмов М. Я.** К вопросу об особенностях... С. 4; **Он же.** Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. 1956. Т. 11. С. 55—81.
- ⁵⁵ См.: **Сюзюмов М. Я.** О роли закономерностей... С. 9—10.
- ⁵⁶ См.: Там же. С. 11.
- ⁵⁷ См.: **Сюзюмов М. Я.** Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8. С. 29—30.
- ⁵⁸ См.: **Сюзюмов М. Я.** Экономика пригородов... С. 59.
- ⁵⁹ См.: **Сюзюмов М. Я.** Роль городов-эмпориев... С. 39.
- ⁶⁰ См.: **Сюзюмов М. Я.** Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. // Учен. зап. Урал. ун-та. 1952. Вып. 2. С. 84—134. О соотношении интерпретации понятия «димы» М. Я. Сюзюмовым и А. Камероном см.: **Чекалова А. А.** К вопросу о димах в ранней Византии // ВО. 1982. С. 37—52.
- ⁶¹ См.: ВВ. 1967. Т. 27. С. 37—70. См. также: **Сюзюмов М. Я.** Город // История Византии. Т. 2. С. 23—33.
- ⁶² См.: **Сюзюмов М. Я.** Византийский город... С. 39.
- ⁶³ См.: Там же. С. 43.
- ⁶⁴ Там же. С. 50.
- ⁶⁵ См.: Там же. С. 52.
- ⁶⁶ См.: **Сюзюмов М. Я.** Морской закон // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 3—54.
- ⁶⁷ **Сюзюмов М. Я.** Византийский город... С. 59.
- ⁶⁸ См.: Там же. С. 61.
- ⁶⁹ См.: Там же. С. 64—70.
- ⁷⁰ См.: **Сюзюмов М. Я.** К вопросу об особенностях... С. 3; **Он же.** Исто-

рическая роль Византии и ее место во всемирной истории: В порядке дискуссии // ВВ. 1968. Т. 29. С. 32—44; Он же. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // ВВ. 1973. Т. 35. С. 3—32.

⁷¹ Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии... С. 44.

⁷² См.: Там же. С. 32.

⁷³ См.: Там же. С. 64. Концепция М. Я. Сюзюмова была поддержана его ученицей А. И. Романчук. См.: Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII—первой половины IX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1972; Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 53—55, 68—70, 80—81, 85—88, 96—100, 166—172, 176—183 и др.

⁷⁴ ГАСО. Ф. 802 р. Оп. 1. Д. 153. Л. 3.

⁷⁵ См. об этом: Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 10. Примеч. 19.

⁷⁶ См.: Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // ВВ. 1972. Т. 33. С. 12—32; Она же. [Рецензия] // ВВ. 1980. Т. 41. С. 290—293. Рец. на: Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court. A.D. 364—425. Oxford, 1975; Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества: По данным кодексов Феодосия и Юстиниана. Л., 1980; Она же. К вопросу о социальной структуре ранневизантийского города // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. С. 23—36; Курбатов Л. Г. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984. Гл. 2—4; Он же. Византийский город в раннефеодальную эпоху и некоторые вопросы своеобразия социальной структуры византийского общества // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984; С. 37—56; Литаврин Г. Г. Восточноримская империя в V—VI вв.; Он же. Византийское государство в VII—XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв. М., 1985. С. 8—33, 99—116.

⁷⁷ См.: Удальцова З. В., Осипова К. А. Формирование феодального крестьянства в Византии (VII—XI вв.) // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 387—426.

А. В. ЗАЙКОВ
Уральский университет

ПЕРИЭКИ В СТРУКТУРЕ СПАРТАНСКОГО ПОЛИСА

Проблема типологической принадлежности спартанского полиса давно поставлена в специальной литературе, однако некоторые аспекты этой проблемы еще далеки от окончательного решения. Представляется, в частности, чрезвычайно важным вопрос о том, какие социальные группы входили в состав гражданского коллектива Спарты в архаическую и классическую эпохи. С ответом на него связано определение общего и особенного в политической истории Лакедемона. Недостаточное внимание исследователей к проблеме социальных рамок спартанской *tes politeias* привело к возникновению вокруг Спарты столь устойчивого ореола «нетипичности».

Развитие спартанского государственного устройства от архаики до поздней классики обычно рассматривается как движение от умеренной «гоплитской» демократии к олигархической форме¹. При этом основанием для определения государственного